

Франсису, который женился на киборге

FRANCISCUS♥

PETRUSQUE♥C

ONTRA♥MUN

DUM♥CONIUN

CTI♥VINCEMUS

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	9
---------------------	---

Первый закон вселенной Питера

НАУКА — ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ К МАГИИ

Конец	15
Мне шестнадцать	23
Удовольствие	29
Инвалид	37
Боль	42
(Электро)шок и так далее	48
Мой черед	54
Самопознание	60
Выбор	70
Наутро	79
Двухсотлетие	85
Наплевать!	94
Быть бессмертным	103
Пациент с фантазией	110

Второй закон вселенной Питера

Люди важны, ПОТОМУ ЧТО НАРУШАЮТ ПРАВИЛА

Я перехватываю инициативу	121
Тот, кого я люблю	130
Развилка	139
Варианты будущего	149
И снова выбор	161
Contra Mundum	170
Дартмур	176

Безумные идеи	186
Триостомия	199
Беркли-сквер	208
Неписанные правила	217
Американская мечта	224
Дарт и я	233
Ускорение	242
Радуги и призраки	247

Третий закон вселенной Питера

ЛЮБОВЬ РАНО ИЛИ ПОЗДНО ПОБЕЖДАЕТ

Исторический максимум	257
Минутка Мэтта	267
Идеальная минутка Мэтта	276
Откуда приходит завтра	285
Великолепная восьмерка	291
Право процветать	300
Хранители пламени	309
Какими будут ваши последние слова?	317

Двадцать один год спустя

Салания	329
Погребальный костер для феникса	340
Любовь не умрет никогда	351

БЛАГОДАРНОСТИ

С этой книгой я решил пойти по другому пути. Потешить самолюбие. Меня оправдывает только то, что я написал уже множество книг, но ни разу не встретил людей, которые их читали. Среди моих друзей и родственников таких точно нет: они если и читали, то не ради удовольствия. И не слишком внимательно. В этот раз я собрал на страницах и семью, и друзей, но не собираюсь раскрывать карты раньше времени и рассказывать, кто именно вошел в историю. Интересно, как они поступят дальше: тут снова начинают действовать неписанные правила игры. Если подумать, не такое уж это и отступление от привычного, скорее социологический эксперимент.

Дополнительный бонус: теперь благодарности точно не превратятся в речь на церемонии вручения «Оскара». Наоборот, я смогу сразу перейти к финальному крещендо. А пока позвольте представить двух людей, руководящих командами, без участия которых мы с вами никогда бы не встретились: великолепную Розмари и не менее великолепного Дэна.

Розмари Скулар — мой агент, моя путеводная звезда на бескрайних просторах United Agents.

Тут вам сразу следует понять кое-что: подавляющее большинство агентов напоминает очень агрессивных ротвейлеров. Женщины-агенты от этого еще страшнее: они тоже ротвейлеры, только на каблуках и с накрашенными губами. Но если бы мне пришлось с кем-то сравнить Розмари — я сравнил бы ее скорее с преданным терьером. Знаете, из таких, которые не разожмут зубы, даже если при

этом будут восторженно вилять хвостом. Короче говоря, Розмари исключительно очаровательна. И сногшибательно продуктивна. Как и вся ее команда. С присущим мне непоколебимым оптимизмом рискну надеяться, что даже после того, как я перестану представлять для нее профессиональную ценность, мы все равно останемся верными друзьями. И, завидев друг друга, всегда будем, образно выражаясь, радостно вилять хвостами.

Дэниэл Буниард — мой издатель, моя путеводная звезда на необъятных просторах Penguin Random House.

Тут вам сразу следует понять кое-что: я работал с разными издателями на протяжении всей своей взрослой жизни. Но за все эти годы мне больше ни разу — ни разу! — не встречался человек настолько сочувствующий, умный, щедрый, проникательный, поддерживающий, отважный, изобретательный, вдохновляющий и открытый к неожиданным предложениям. Короче говоря, настолько умопомрачительно компетентный в своем деле. В этой книге есть три главы, которые, как мне казалось, были затеей рискованной (вы сразу поймете, о чем я, когда до них доберетесь). Я их обожал, но понимал, что они ломают правила игры, выводят нас на новый уровень. И не удивился бы, стань они гвоздем в гроб нашего с Дэном комфортного сотрудничества. Но Дэн, наоборот, немедленно проникся к ним теми же чувствами. И я бесконечно ему благодарен. За все.

Позднее я работал и с его командой — это оказался столь же приятный опыт. Меня встретил коллектив, в котором незашоренность и профессионализм сочетались с невероятными талантами, каких я не видел прежде. Честно говоря, еще никогда мне не было так приятно писать. А писал я много.

Теперь нарушу «эмбарго» и скажу немного о семье. У меня есть три чудесных племянника — Ли, Дэвид

и Эндрю, — каждый из которых по-своему помог мне преуспеть. Но только Эндрю может ответственно заявить, что написал половину этой книги, пускай это и случилось, когда я больше не мог печатать и был вынужден надиктовывать текст.

Но главная моя благодарность — человеку, которого вы скоро узнаете очень хорошо. Невоспетому герою моей книги. Истинной звезде. Сейчас, пока вы не понимаете, насколько важны эти слова, достаточно будет сказать только одно: когда ему выпало испытание на прочность, истинный лорд Авалон оказался неизмеримо храбрее, преданнее, отважнее, чем когда-либо мог вообразить подросток Питер...

ПИТЕР 2.0,
Торки, Англия, 2020 год

ПЕРВЫЙ ЗАКОН ВСЕЛЕННОЙ ПИТЕРА

НАУКА —
единственный путь
к МАГИИ

КОНЕЦ

— А к твоей уже сколько аббревиатур добавляется? — спросил Энтони. Это был акт вежливости: я только что уточнил, что значат буквы ОВЕ* после его фамилии.

— PhD, DIC, BSc(Eng), CITP, CEng, MBCS, ACGI**, — быстро пробормотал я, неожиданно для себя вернувшись к образу Школьника Питера, который хочет покрасоваться перед давним другом. Взрослый Питер попытался исправить ситуацию: — Но орден Британской империи — достижение гораздо более значительное.

Мы с Энтони старательно подгоняли свой график так, чтобы оказаться проездом в Лондоне в одно и то же время. В его ежедневнике было какое-то невероятное количество визитов в другие страны — вполне естественно для директора театра лирической оперы в Чикаго. Франсис и я большую часть времени проводили, изучая мир и исследуя экзотические страны, которые мечтали посетить, — за этим занятием прошли десять лет, что мы были женаты. Но сегодня мы оба, я и Энтони, смогли выгадать день, который собирались провести вместе, обмениваясь новостями и вспоминая о прошлом.

— Итак, я пропустил историческое событие: ваше партнерство стало браком?

* ОВЕ (Order of the British Empire) — орден Британской империи, самый младший в британской наградной системе. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. пер.*

** PhD — доктор философских наук, DIC — диплом Имперского колледжа, BSc — бакалавр технических наук, CEng — дипломированный инженер, MBCS — член Британского компьютерного сообщества, CITP — дипломированный IT-специалист, ACGI — член ассоциации Имперского колледжа.

— Да-да! В прошлом году в закон снова внесли изменения, и у нас появилась возможность повысить статус. Причем все это было совершенно неважно: закон имеет обратную силу, так что наше свидетельство о браке датировано 21 декабря 2005 года. Мы были женаты почти девять лет — и даже не знали об этом!

— Здорово, что ваши родители успели это увидеть.

Наши родители умерли, когда им было глубоко за девяносто, с разницей всего в три месяца. Последние два года мы с Франсисом нянчились с ними, как с детьми.

— Теперь расскажи мне, как прошел ваш медовый месяц в Индии? Мы с Колином тоже планируем скоро туда съездить, поэтому мне нужны советы!

Колин — это муж Энтони, они женаты не первый десяток лет.

— У вас же после Индии проснулась неуголимая страсть к путешествиям?

— Ну да. В какой-то момент мы просто подумали: «А почему бы не продолжить?» Копить пришлось очень усердно: знаешь, денег никогда не бывает много, но наступает день, когда их становится достаточно. Чего никогда не достаточно, так это времени друг с другом, пока вы оба еще молоды, — и это как раз таки наш с Франсисом случай. Поэтому я ушел на пенсию, — последние слова я взял в воображаемые кавычки.

— В сорок-то лет...

— Ну и что!

Впрочем, я продолжал свою странную проектную работу консультантом в разных компаниях: этим я искренне наслаждался.

— И «на пенсии» тебе, очевидно, нравится? — Энтони повторил мой трюк с кавычками.

— О да! Идеально. Я написал еще парочку околонучных книг, конечно, но в основном уделяю время географии, истории и искусству, которые пришлось бросить в школе. Мы оба здоровы и в отличной форме. Любим приключения. Так что в планах еще пара десятков лет путешествий. Наконец-то я чувствую, что все идет как должно...

Была зима. Мы отправились в погоню за северным сиянием и забрались уже очень далеко к северу от полярного круга, где я и отмокал в тот день в горячей ванне. Потом встал — вода была еще теплой — и вытер полотенцем все тело выше колен. Поднял левую ногу, стряхнул капли, как собака, которая наступила во что-то неприятное, и поставил ее на коврик. Потом поднял правую ногу. Тут-то мой мир и содрогнулся, а я сам оказался в той точке пространственно-временного континуума, откуда начал двигаться к своему совершенно новому незнакомому будущему.

Как следует отряхнуть правую ногу я не смог. Она лишь слегка колыхалась. Примерно так отряхивала бы лапу какая-нибудь очень древняя гигантская черепаха на Гапагосских островах. Максимум, чего я смог добиться, — медленное покачивание. Я отметил для себя этот факт с любопытством истинного ученого (оно распространяется абсолютно на все, что выбивается из привычного хода вещей) и все-таки выбрался из ванны.

После того, как это повторилось еще несколько раз, я пришел к выводу: у меня постоянно подгибается одна нога. Наверное, мышцу потянул. Ничего особенного. Подсознание приняло эту гипотезу как рабочую и вполне логичную, и мозг успокоился. Так прошли три месяца — пока однажды я, карабкаясь к прекрасно сохранившемуся древнегреческому храму на острове Родос, не почувствовал дрожь.

Спешу заметить: ничего пугающего в этом не было. Всего лишь периодический тремор в правой ноге — он возникал, если я определенным образом двигался или садился в определенную позу. Иногда. Едва заметно. Спустя пару недель я все же обратился к специалисту по физической реабилитации с жалобой на слабость в ноге. Он потыкал в нее, потянул, сделал множество замечок. Да, вполне возможно сильное растяжение. Даже небольшой надрыв. Другие симптомы? Я упомянул тремор.

— Я не заметил...

— Нет, его нужно спровоцировать, вот, смотрите...

— Ага.

Это было одно из тех «ага», которые тут же заставляют слегка насторожиться и задаться вопросом, хочешь ли ты знать, какая мысль в голове собеседника их породила. Я, конечно, хотел.

— О чем обычно говорит такой симптом? — я интуитивно переключился на более профессиональный тон. Если ситуация тревожит, отстранись от нее. Обсуждай с позиции равного. Используй отвлеченные понятия. Так ты узнаешь гораздо больше и гораздо быстрее.

— Этот симптом называется клонус. Обычно говорит о заболевании.

Я порылся в памяти, но ничего похожего вспомнить не смог. А я ведь помнил, пусть и смутно, тысячи медицинских терминов. Из этого я сделал весьма самонадеянный вывод, что столкнулся с чем-то не слишком распространенным. Особенно не раздумывая, я предположил:

— Повреждение нервов?

— Именно. Клонус — сигнал о поражении верхнего двигательного нейрона. Сейчас я напишу письмо вашему семейному врачу, пусть направит вас к неврологу, а тот — на МРТ.

Я вышел из кабинета, прижимая к груди, как талисман, наскоро составленное направление к семейному врачу и прокручивая в голове более очевидные типы повреждений, которые могли затронуть мой спинной или головной мозг (именно их и имел в виду врач). Травма подошла бы идеально. Но я практически не падал с тех пор, как подростком занимался карате. Вряд ли тогдашняя травма дала о себе знать сейчас.

Конечно, есть еще рак. Подобные симптомы могла дать опухоль в мозгу, но других оснований подозревать ее у меня не было. Локализованная опухоль на позвоночнике? Интересно, насколько операбельная. Микроинсульт? Плохо, особенно если за одним последуют другие. Точно не церебральный паралич, хотя для него характерны неконтролируемые сокращения: это начинается в детстве. Рассеянный склероз? Распространенное заболевание. Может настичь взрослого. Неизлечим. Достойный претендент. И в любом случае лучше опухоли головного мозга.

Десять дней спустя я лежал на узкой платформе, которая медленно уносила меня в недра мощного аппарата МРТ, похожего на гигантский пончик. До этого мне ни разу не приходилось делать томографию, и прибор меня заворожил. Магнитно-резонансное сканирование использует охлажденные в жидком гелии сверхпроводящие магниты, мощные настолько, что они могут заставить части вашего тела излучать едва заметные сигналы, которые используются для создания трехмерного изображения. Еще аппараты МРТ очень, очень шумные.

Мне выдали специальные наушники, но даже сквозь них я слышал гул, для описания которого слова «какофония» недостаточно. Во время сканирования мощные магнитные волны прокатываются сквозь ваше тело несколько раз

в секунду, заставляя все оборудование вибрировать в такт. Поскольку в этот момент вы находитесь непосредственно внутри этого оборудования, вы вибрируете вместе с ним. Более тихие звуки оставляют ощущение, будто кто-то пытается пробить металлический шлем на вашей голове пневматическим молотком. Более громкие воспринимаются (всем телом) как полноценный артобстрел. Медицинское обследование в стиле «шок и трепет». И меня ожидали два часа этого развлечения.

Мне всегда казалось, что я неплохо считываю других людей, но мой невролог оказался абсолютно непроницаемым. Видимо, это было привычкой врача, которому регулярно приходится сообщать пациентам плохие новости. Он кивнул мне на стул, прошел в угол комнаты, чтобы принести стул Франсису, подождал, пока мы займем свои места, и неожиданно улыбнулся.

— Прежде чем я расскажу вам все о результатах обследования, позвольте заверить: ничего страшного мы не нашли. Можете расслабиться.

Тут я понял, что все это время задерживал дыхание. Я тоже переключился в режим профессионала, а та часть моего эго, которая называет себя Ученым, зафиксировала выброс большой дозы адреналина, из-за которого по телу разливалось онемение. Очевидно, это должно было подготовить меня к принятию Приговора.

— Что ж, это вселяет надежду.

Спокойно. Негромко. Как будто он говорил о своих призовых петуньях, которые в этом году снова достойны награды. Потом на первый план, почувствовав подходящий момент, просочилось мое непобедимое любопытство, вечный мой спутник.

— Так в чем тогда дело?

И мы отправились на экскурсию по моей нервной системе.

— У вас очень симпатичный мозг, — заметил мой невролог с такой гордостью, будто сам приложил к его созданию руку. — Видите... вот, внутри черепа... Ничего тут нет.

Не думаю, что эта цитата хорошо смотрелась бы на обложке любой из моих книг, но он, конечно, имел в виду другое.

И мы двинулись дальше, вниз по моему спинному мозгу: по успокаивающе стандартному темному кругу, обрамленному размытыми очертаниями моих позвонков, напоминавших в таком ракурсе произведения абстрактного искусства. Ничего необычного, кроме не замеченного прежде сколиоза (то есть бокового изгиба позвоночника) средней тяжести. Я наконец узнал, почему у меня одна подвздошная кость всегда была чуть выше, чем другая (этот вопрос меня волновал в подростковом возрасте, но долго оставался без ответа).

Короче говоря, горизонт был чист. Никаких опухолей в мозгу. Никаких опухолей на позвоночнике. Никаких следов рассеянного склероза. Никаких болезней двигательного нейрона. Никаких следов защемления нервов. Все чисто. Исключив всех первоочередных подозреваемых, невролог предположил, что у меня какое-то экзотическое заболевание. Так мы отправились на поиски сокровища, заключающиеся в проведении все более заумных тестов.

Началось все с рутинного рентгена грудной клетки, но вскоре ему на смену пришел перечень анализов крови, который напоминал меню в дорогом ресторане. Разбираясь с назначениями в анкете, я обнаружил, что на одни только СПИД-ассоциированные инфекции нужно сдать три разные пробы. Вполне логично: аутоиммунные заболевания часто путают с неврологическими.

Когда все результаты оказались отрицательными, мы повысили ставки. Бегло просматривая новый список анализов, медсестра то и дело повторяла: «Ох, надеюсь, у вас ничего из этого нет. Жуткие болезни!» Однако и эти пробы оказались отрицательными, и мы перешли от маловероятного к практически невозможному. И здесь — ничего. Получив результаты генетических тестов (отрицательные), даже невролог растерялся. С трудом скрывая отчаяние, которое я все же разглядел на его лице, он выдал мне финальный список возможных заболеваний. Увидев его, растерялась уже моя новообетенная подруга-медсестра.

— Об этих я даже и не слышала, — пробормотала она, проверяя на компьютере доступность анализов. На два заболевания из моего списка кровь сдать было негде. После нескольких телефонных звонков удалось отыскать какую-то странную лабораторию и заставить ее сотрудников вручную перебирать картотеку в поисках необходимой информации.

— Зато мы, наконец, разберемся, что с вами не так!

Я на это очень надеялся. Все это время я внимательно следил за своим состоянием. Чем бы ни было это «не так», оно с каждой неделей распространялось выше по моей ноге, медленно, но неотвратно. И, пока диагноз был неясен, способа остановить процесс не было.

Спустя еще две недели пришли результаты анализов.

МНЕ ШЕСТНАДЦАТЬ

Каждому человеку от рождения дано право изменить мир.

К этому выводу я пришел к своему шестнадцатому дню рождения, и мне нравилось думать, что добиться перемен можно, только нарушая правила; однако детали этого плана от меня ускользали. Если бы однажды в мае, в торжествующе солнечную среду, в разгар дня я интуитивно не взбунтовался, сегодня меня и на свете бы уже не было.

Поэтому начать стоит с бурного выражения благодарности директору моей школы (забавно, что я никогда не ценил его ни как преподавателя, ни как личность). Он явно видел во мне надругательство над Богом и человечеством. Однако надо отдать ему должное: не вмешайся он тогда, сейчас я был бы полноправным членом Истеблишмента. Мертвым, правда.

Все началось примерно в 12:28, у нас как раз заканчивался урок родного языка. Стоя возле древней парты, я изливал свою точку зрения на одноклассников, которым зачитывал свое эссе «О будущем».

Наш учитель, такой же древний, как парты в его кабинете, улыбался мне и ободряюще кивал. К счастью, он уже поставил мне высший балл, сопроводив его эмоциональным примечанием: «Феноменальное воображение. Слава небесам, ваши прогнозы — только фантазии!» Похоже, он немного упустил из виду, что я писал не фантастическую повесть, а эссе. Честно говоря, мама моя, кажется,

допустила ту же ошибку, сохранив из всех моих сочинений именно это: я нашел его после ее смерти.

— ...мой мозг будет связан с электронным мозгом, и этот объединенный разум будет сильнее, чем просто сумма его частей. В финале процесса пять моих...

Прозвенел звонок, знаменующий начало обеда. Никто не сдвинулся с места: звонок — для учителя. Легким взмахом руки он велел мне продолжать.

— В финале процесса пять моих чувств будут дополнены мириадами электронных компонентов, и сама моя человеческая сущность эволюционирует. Я не буду более управлять автомобилем или гигантским лайнером — я буду этим автомобилем, я буду этим лайнером. — Я поднял взгляд на учителя в знак того, что закончил.

— Потрясающая фантазия, Скотт. Еще немного, и вы станете пророком научной фантастики! Очень хорошо, — он обвел взглядом замерший в ожидании класс. — Все свободны.

— Ну ты и выпендрежник, — проворчал никогда не любивший меня Симпсон, вставая из-за парты слева. — Все спер из «Доктора Кто».

Симпсону я никогда не нравился. Складывая вещи в ящик парты, я парировал:

— Вообще-то в «Докторе Кто» с момента появления сериала в эфире, в 17:15 23 октября 1963 года, не было ни одной серии, хоть отдаленно напоминающей теорию, которую ты сейчас услышал.

— Честно? — переспросил, догоняя нас на выходе из класса, худенький невысокий Коннор, который каким-то чудом умудрялся дружить с обоими.

Коннор мне нравился. Даже очень.

— Иногда ты ведешь себя как придурок, — продолжал Симпсон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru